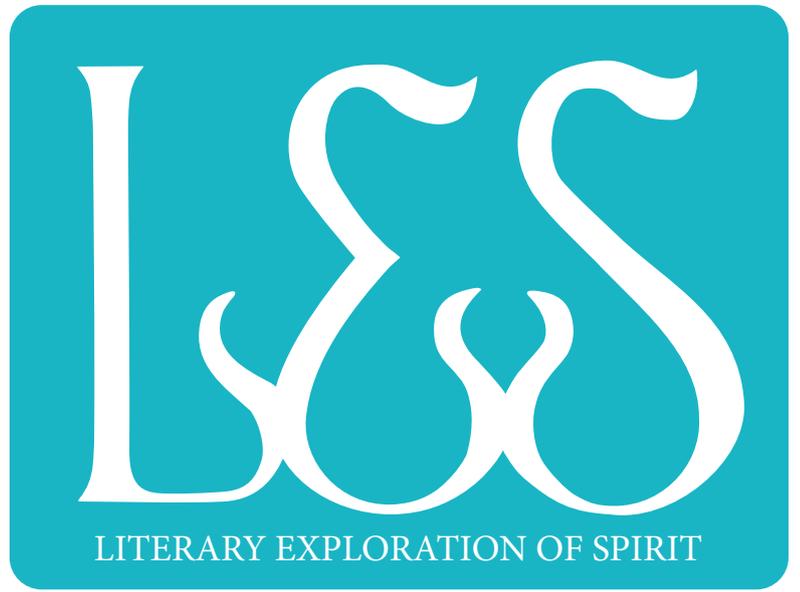

Литературный
журнал

www.les.place
t.me/les_place
info@les.place

Привет! Меня зовут Ясень и я — создатель и ведущий этого проекта.

По происхождению я триборг (синтеза дерева и человека на кибер-интерфейсе). Я пребываю в Пурпурном лесу. Мы не говорим “живу” — это слово резерировано для носителей чисто биологической жизни, или ЧБЖ, разговорно **чабж**.

Настоящий проект посвящен **литературе** — незаслуженно забытой и мало изученной части культурного наследия чабжей.

Если вы не знаете, что это такое — литература, не беспокойтесь! Я все вам расскажу в свое время. Пока, в двух словах, это что-то наподобие инструкций от бытовой техники.

Знакомьтесь с проектом, и приятного вам чтения!

Ashwild Woodwose

Лес молчит, и в его тишине - полнота:
в капиллярах движение влаги,
шепот листьев, белесых корней маета,
что вгрызаются в землю во мраке,

Так молчит в глубине под гороою родник,
так шуршит муавнейник без спеха,
Так безмолвствуют скалы, готовые крик
разнести по окрестностям эхом.

Так колышется гладь векового пруда,
что вмещает всю неба безбрежность.
Кто заглянет туда, тем дарует вода
свою силу, отвагу и нежность.

Обними как друзей в три обхвата стволы
и дыши их столетним покоем,
беззаботно следи за полетом пчелы,
солнце чти, восхищайся луною.

Оставайся собой и себя превзойди
как река, что проходит пороги.
Лес научит тебя не сбиваться с пути,
даже если не видно дороги.

Андрей Иванов-Другой

ОДИНОКАЯ СКАМЕЙКА

Одинокая скамейка

Кто поставил эту скамейку посреди степи, в нескольких километрах от ближайшего жилья, неизвестно. Но только с неё всё и началось.

Конструкция была неказистая: две толстые трубы в основании, железный контур из уголка и две прикреплённые доски, без спинки. Выкрашена в зелёный цвет. От времени краска местами – и на дереве, и на железе – сошла и обнажила не

самую крепкую древесину и благородную ржавчину. Если ржавчина может быть благородной а, собственно, почему нет.

Скамейку расположили на небольшом склоне на берегу ручья. Возможно, ручей на картах и назывался рекой, но ему красивее подходил образ полноводного малого потока, чем неоправданные амбиции несостоявшейся реки. Сидеть и

наблюдать бодрые переливы на мелководье было, кстати, так же отдохновенно, как и полноводье. Наверное, поэтому безымянное место не забывалось, а годами привлекало людей, в том числе, из самых отдалённых мест.

ПРОДОЛЖЕНИЕ >>

Мартлет

ПЛЕЧО

Я с детства мерил образы героев,
что впору быть никак мне не могли,
и, становясь все менее собою,
все больше отдалялся от земли.

Себя я видел бардом и актером,
философом — властителем умов,
алхимиком, поэтом и фрондером
и автором бесчисленных томов.

С годами понял я, что быть хочу собою
и в той же мере Богом быть хочу
и тут мои отклонялись герои --
им не было такое по плечу.

Так я не стал философом, поэтом,
алхимиком и много кем ещё.
Лишь с Богом мы скитаемся по свету,
друг другу опираясь о плечо.

2024

Мартлет

ДИАЛОГИ

Программист.

Нули, единицы.
 Что выпадет миру?
 Ноль — исчезнем навеки.
 Один — будем живы
 вовеки.

Судьбами правят случайность,
 статистика и вероятность,
 равная здесь половине, --
 Чем лучше нуля единица?

Скептик.

Законы природы гласят,
 что в закрытой системе
 Любое угаснет тепло,
 навсегда прекратится движенье,
 и мир погрузится во тьму.

Напрасно от мира вы ждете
 награды, суда, справедливости.
 Есть лишь свобода,
 страшный, единственный дар
 на короткий наш век.
 Так простимся
 с детской иллюзией вечности --
 ноль нашим будет концом
 абсолютный.

Мистик.

Если Бог всемогущий
 дал миру начало, то и о конце
 Он позаботится тоже.

Судьбами правит не случай,
 а данный нам шанс
 в мире умножить добро.
 Жизни и смерти --
 нам оба открыты пути.

Философ.

Кончается все, что имеет начало,
 в извечном кольце,

Где сойдется последнее с первым,

Что нам явилось в начале,
 явиться должно и в конце.

Что же было в начале?

Ноль? Единица?

Слово? Молчание?

Не может молчание быть,
 Пока не появится то, что оно отрицает.

Мистик.

Не может молчание быть
 до мгновенья, в котором впервые
 Слово, как гром по весне,
 раскатилось по свету.

Голубем Дух
 над бурлящими водами реял,
 звезды зажглись
 и планеты свой начали путь.

А до этого мига —
 нет ничего,
 даже этого «нет».

Философ.

Истиной лишь быть могло,
 что явилось в начале.

Истиной лишь будет то,
 что увидим в конце.

Учёный.

Об истине есть что сказать мне.

Прелестная модница,
 с нами флиртует она,
 и для каждой эпохи
 иной надевает наряд.
 Распознать ее может лишь тот,
 кто в нее безнадежно влюблен.

Точного знания нет, если нет аксиомы.
 Гипотезы нет,
 если ей не предшествует опыт.
 Нет может теории быть,
 пока не накоплены факты.
 Нет ошибки,
 коль истина нам не открылась.

“Быть” превышает “не быть”,
 Отрицанью предшествует сущее,
 И раз это так, нам право дано на надежду.

Программист.

Так значит, один, а не ноль.

Скептик.

А я остаюсь при своем.

Поэт.

Светлеет уже окоем, и химеры запели
 о том, как блистает роса на лугах асфodelей,
 и ангелы день протрубили в Эдемском саду,
 и колокол ухнул в аду,
 что всегда начеку.

Ребята, давайте чайку?

УЛЬТРА МАРИН

Мартлет

В небесах разлита синева --
бирюза, лазурь, ультрамарин.
Утром облакается в слова
пестрый мир, который мы творим.

Пара птиц, две крошечные тени,
Прочертив пунктиром небосвод,
мне открыли в этот день осенний
тайну, о которой их полет.

План -- лишь в том, что плана вовсе нет.
В небе каждый растворится след,
в утренней утонет синеве,
в солнечном растает торжестве.

Нет секретных формул, тайных книг,
есть лишь этот краткий день и миг,
есть лишь мир, который мы творим, --
бирюза, лазурь, ультрамарин.

Нет ответов, знаний обо всем, --
все, что есть, вмещает оком --
синие далекие холмы,
белый храм, что выхвачен из тьмы

взглядом, соскользнувшим с горизонта,
бронзовых лесов неровный контур,
радость, что безмолвствует в тиши
где-то в тайном сумраке души.

Есть лишь мир, который мы творим, --
бирюза, лазурь, ультрамарин,
охра, кадмий, золото, титан, --
пестрый мир, который даром дан.

Будьте же к нам милости полны,
Солнца лик и зеркало Луны,
ветер, что гуляет в вышине,
волны, что роятся в глубине,

твердь земли и неба мерный ход.
Обратимся взглядом на восход,
где пылает красками заря,
в этот день все заново творя.

Планов нет, законов, формул, правил,
есть лишь шанс, что Бог нам предоставил,
дав свободу каждому из нас, -
быть собой, быть здесь, и быть сейчас.

Силой быть, упрямой, как волна,
свежей, как цветущая весна,
чистой, словно горная вода,
быстрой, как летящая звезда.

Как дрожит осина на ветру,
как искрится иней поутру,
как блистает гранями алмаз, --
быть собой, быть здесь, и быть сейчас!

Лариса
Винарова

Когда он смесью праха и слюны
коснулся век моих, отверстых праздно,
мне показалось: два резца алмазных
в зрачки вонзилось. Заворожены,

взирали люди и среди тишины
«Назад, во тьму!» — я возопил безгласно —
«За что меня ты сделал столь несчастным?
Как страшно зрячие одарены!»

А мир язвящий с каждым новым взглядом
вливался в очи смертоносным ядом.
О девственность! О сон во тьме ночной!

За что, за что ты так меня обидел?»
Все вглядывался я, и все не видел
жестко поступившего со мной.

2016

Лариса
Винарова

Ельшишь, сын мой? Это ветер, он уносит все на свете,
рассыпает, как солону, замок наш из слов и снов...
Ты не плачь — смотри, как странный и пока что безымянный
новый мир, как шар стеклянный, выдувает стеклодув!
Глобус старенький на парте, полюс Северный на карте
нам уже не интересны — мы увидим Север въявь!
Мы летели, мы бежали, мы упали, мы устали;
в пляс пускаться перестали, но зато пустились вплавь.
Нас по свету помотало... Сын мой, разве это мало —
кофе, сахар, одеяло; ты, да я, да мы вдвоем?
Правда, здорово, что льдина унесла наш старый дом?
Наше море нелюдино. Мы плывем себе, плывем.

2016

Андрей
Иванов-
Другой

ТЕАТРАЛЬНЫЙ РАССКАЗ

Театральный рассказ

В гримёрку к Варваре без стука вошла уже знакомая ей, но, как потом окажется, не наоборот, одна из прим театра. Последняя приехала для задействованных в пьесе сильно заранее, неясно почему. Однако, причина вскоре стала понятна. Как только Светлана – или называть её Светланой Юрьевной?! – села в кресло, небольшую комнату наполнил аромат дорогого алкоголя. И это в два часа дня.
– Сима, привет! – сказала артистка [а мне нравится, на уровне ощущений «артист/

артистка», а не «актёр/актриса»] с жеманным вздохом. – Как ты?

Артистка, очевидно, входила в образ к сегодняшней постановке, что выражалось также в движениях тела и совсем ненужных к ситуации жестах.

Варвару пригласили в этот статусный театр, найдя и переманив её из другого столичного, но условно более простого подобного учреждения. Девушке было чуть за двадцать, но она уже успела

почувствовать не только очарование и магию сцены, но и испытала немало негативных эмоций закулисья. Но искусство грима было прямо её – она справедливо считала, что у гримёров есть даже своя муза, а в случае Вари, скорее всего, муз, с неопределёнными чертами и, безусловно, молчаливый, но исполнительный и быстрый, всегда с ведёрком белил и

[ЧИТАТЬ ДАЛЬШЕ >>](#)

КОРОТКОЕ

Алексей Панин

Погребённые травы трону тёплой ладонью,
злые раны берёз, резкий холод снегов.
пойму я свою глубину, но запомни,
к этой нежности дикой я так редко готов.

Я слова не рожаю,
а пользуюсь всяческим мусором,
что лежит под ногою,
придавленный мною,
приплюснутый.

Нагибаться — жалеть,
поднимать — чертыхаться и пробуя
то на вес, то на ощупь, —
глядеть: Ах, поэзия,
Ты ли? убогая..

Друзья, а вы знаете, с кем говорите?
Я — самый отчаянный трус из людей.
Инстинкт у меня и инфаркт, посмотрите...
И никаких осторожных идей.

Все все знают,
всё помнят,
всё видели, слышали, поняли.

Утром в землю вонзают копыта,
как кони,
а бегают по небу.

Я встал
и стал ходить
в дверном проёме, —
то в тайном коридоре,
то в окне.

И повторял:
“никто не может
кроме
меня и
Бога
думать обо мне”.

Олег Мисюк

МАЛЕВИЧА ЧЕРНЫЙ КВАДРАТ

ЛИКИ ЖИВОТНЫХ В ПЕЩЕРЕ ВЫСЕКЛИ МАЙЯ. С
ФИНКСА ИЗ БЛОКОВ НАДГРОБНО СЛОЖИЛ ФАРА
ОН. СКУЛЬПТОР ИЗ РИМА В КАМНЕ БОГОВ ИЗВА
ЯЛ. НОЖИКОМ ВОСТРЫМ РУСИЧ СТРУГАЛ БЕРЕС
ТУ. ХРАМЫ НАВЕКИ ИКОНАМИ КРАСИЛ РУБЛЕВ.
КНЯЗИ И ЗАМКИ ПРЕДСТАЛИ КУВШИННОЮ ГЛИ
НОЙ. ЛУЧШИХ НАТУРЩИЦ КИСТЬЮ ИСТОРИЛ РЕ
МБРАНДТ. ФРЕСКИ ВЕЛИКИХ ТВОРЦОВ ВОСПАРИ
ЛИ В САДАХ ВАТИКАНА. ГИБКОСТЬ СТЕКЛУ ПР
ИДАВАЛ МАСТЕР-ВЕНЕЦИАН. ЗВЕЗДЫ С СЕРП
АМИ КРАСНЕЛИ В ГРЕМЯЩИХ ПЛАКАТАХ. ВСЕ
ОБЕСЦЕНИЛ МАЛЕВИЧА ЧЕРНЫЙ КВАДРАТ.